

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС

Розин Вадим Маркович,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник

Института философии РАН, Россия,

109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются два подхода к объяснению американской революции. Первый принадлежит Ирине Жежко-Браун, которая в своих работах рассматривает особенности и формирование социальных технологий, созданных левыми в США, их применение в борьбе за власть, трансформацию сознания и поведения социальных субъектов, выхолащивание исходных демократических принципов и другие социальные процессы. Вадим Розин, являясь не только методологом, но и культурологом, намечает другое объяснение – культурологическое. При этом он выдвигает гипотезу, в соответствии с которой современность представляет собой сложный двойной процесс параллельного кризиса культуры модерна и становления «посткультуры», которое для исследователей пока проявляется в трендах социальности. Автор статьи считает необходимым осмыслить американскую революцию, соединив оба подхода (с точки зрения социальных наук и культурологии), т. е. реализовать социокультурный подход и дискурс. Для этого он сначала по отдельности характеризует социальный и культурологический подходы. Если выделение и характеристика культуры предполагает процедуры сопоставления разных культур, анализ целостности культуры и инвариантного видения мира, то социальность задается процессами направляемых социальных изменений, управления и власти. Потом, опираясь на материал реконструкции современной американской революции, которую предложила И. Жежко-Браун, автор намечает социокультурное объяснение. В частности, утверждает, что успехи тихой и незаметной для многих «пошаговой американской революции» можно объяснить не только эффективной социальной технологией и попустительством правящего класса, но и тем, что направляемые социальные изменения идут на фоне параллельных процессов завершения модерна и становления посткультуры.

Ключевые слова: революция, социальность, культура, социокультурный подход, развитие, кризис, модерн, посткультура, государство, общество.

Библиографическое описание для цитирования:

Розин В.М. Американская революция: социокультурный дискурс // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 133–152. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-133-152.

В № 4 журнала «Идеи и идеалы» за 2020 год в раздел «Социальная философия» вошли две статьи – Ирины Жежко-Браун «Новый высший класс: революционная смена элит в США» и моя «Социальность современности и феномен левых» [4, 14]. Эти статьи не только стоят рядом, но и связаны содержательно, хотя эта связь, возможно, не лежит на поверхности. В обеих рассматриваются и анализируются важные социальные трансформации, происходящие в современном мире, и роль в них левых, которые понимаются достаточно широко.

На первый взгляд и левые, и трансформации, о которых мы пишем, очень разные. Что общего между российскими политологами (социологами и экономистами) и американскими профессорами (учеными, политиками), которые выступают с левыми лозунгами и проектами? Между политологической полемикой в российском Интернете и СМИ и реальной борьбой за власть, которую успешно ведут левые в США? Причем настолько успешно, что И. Жежко-Браун даже называет ее американской революцией. Характерно, кстати, название ее недавно вышедшей и быстро разошедшейся книги «Современная американская революция: социальные технологии и динамика» [5]). На мой взгляд, общее можно увидеть, если взглянуть на происходящие в современном мире социальные трансформации не отдельно, с точки зрения социологии, как это делает Ирина, или с позиции культурологии, что характерно для автора данной статьи, а соединив эти подходы, встав на *социокультурную* точку зрения, осмысляя эти процессы в рамках социокультурного дискурса.

Действительно, И. Жежко-Браун в своих статьях и книге анализирует особенности и формирование социальных технологий, созданных левыми в США, их применение в борьбе за власть, трансформацию сознания и поведения социальных субъектов, выхолащивание исходных демократических принципов и целей и целый ряд других, явно социальных процессов. Я же рассматриваю два других процесса – смену смыслового культурного проекта модерна на новый смысловой проект «посткультуры» (фьючекультуры) и кардинальное изменение в связи с этим сознания левых («социальная справедливость для всех: своих граждан и чужих, компетентных и некомпетентных, мужчин и женщин, меньшинств разного рода и т. д., вплоть до тех, кто вообще не желает работать. Способ реализации этого замысла – социалистическая организация (распределение, перераспреде-

ление, налогообложение, пособия, пенсии и др.). Спасение нашей планеты как первоочередная задача» [14, с. 156]).

Но не идет ли американская революция в том числе под влиянием смены культурного проекта нашей цивилизации? Не способствуют ли, в свою очередь, этой смене социальные трансформации типа тех, которые сегодня происходят в США и ряде других стран? Конечно, это предположение сформулировано уже в рамках социокультурного дискурса. Попробуем его обсудить и методологически осмыслить. Сначала зададимся вопросом: можно ли по отдельности охарактеризовать эти подходы, что само по себе непростая задача? Начну с культурологической реальности как, на мой взгляд, объемлющей социальную, хотя последняя по подходу и дискурсу вполне самостоятельна.

Выделение и анализ культуры, как я показываю, предполагает, с одной стороны, процедуры *сопоставления и противопоставления* разных культур (в диахронном и синхронном ряду и времени), с другой – представление о *целостности и единстве* культуры, устанавливаемое посредством специальной реконструкции, например, системного или холистического анализа [15, 16]. Феноменологически культура характеризуется *определенным видением мира*, включая самого человека, которое в целом сохраняется в течение всего цикла существования данной культуры. Например, хотя представление о богах претерпели существенные изменения (их становилось всё больше, и вели они себя нередко довольно странно), тем не менее в культуре древних царств боги всегда были центральными персонажами. Считалось, что они создали мир и людей, направляют их жизнедеятельность, поддерживают мир и порядок) [17, с. 115–123].

В отличие от культуры социальность не требует указанных познавательных процедур мышления. Основанием для ее выделения и задания выступает предположение о совместной, коллективной деятельности людей¹. Подобная деятельность предполагает определенную организацию, управление и власть, которые, в свою очередь, опираются на «когерентные» (общие для всех) представления о социальном мире.

¹ «Мы, – пишет Бруно Латур, – хотим быть более беспристрастными, чем это возможно в рамках проекта социальной инженерии традиционной социологии, так как заходим гораздо дальше в исследовании разногласий... Непрерывающаяся активность социальных наук, направленная на то, чтобы заставить социальное существовать, “сбивать” коллектив в спянное целое, и составляет большую часть того, что называется “исследованием” социального <...> Ощущение кризиса, которое, на мой взгляд, стало центральным для социальных наук, теперь можно выразить так: при расширении ряда сущностей новые ассоциации не образуют жизнеспособной сборки. И именно здесь на сцену снова выходит политика, определяемая нами как интуиция того, что самих ассоциаций недостаточно: еще нужна их *кампозиция*, чтобы *выстроить* общий мир. Будь то к лучшему или к худшему, но социология, в противоположность своей сестре антропологии, никогда не сможет удовлетвориться множественностью метафизик; она нуждается и в постановке онтологической проблемы единства этого общего мира» [10, с. 175, 354, 355].

Но когерентные представления задаются культурой. Скажем, в той же культуре древних царств царь часто понимался как живой бог (как сакральная фигура), и именно поэтому он олицетворял власть, и ему нужно было подчиняться. В новоевропейской культуре на уровне отдельных сообществ и личности допускаются разные типы когерентных представлений (схем), однако все они на другом горизонте, в рамках предельных картин мира или онтологий, имеют общие основания – представление о *природе, рациональности, взаимозависимости людей* и другие. В связи с этим Сейла Бенхабиб старается показать, что несоизмеримость когерентных представлений («систем верований и мировоззрений») преувеличена сторонниками постмодернизма, что, напротив, в реальном публичном общении мы, как правило, «ориентируемся на один и тот же горизонт знания ... Реальное столкновение между разными культурами, – утверждает она, – создает не только сообщество обсуждения, но и сообщество взаимозависимости... В моральном плане мы стали современниками, если не партнерами, захваченными в сеть взаимозависимости» [1, с. 42, 43, 162].

Характерная особенность нашего времени – одновременный кризис новоевропейской культуры (модерна), становление «посткультуры» («фьючекультуры») и борьба двух типов социальности – традиционной, характерной для модерна, и тоже становящейся, которую с некоторыми натяжками можно назвать «левой» (на мой взгляд, именно левую социальность анализирует в своих работах Жежко-Браун)². О кризисе модерна свидетельствуют не только две мировые войны, но и столкновение капиталистического и социалистического лагерей, экологический кризис, многочисленные противоречия европейской социальности, угроза гибели человечества в результате ядерной войны или технологических катастроф [19, 24]. Перечислю кратко основные причины кризиса модерна.

Первая причина – всякая культура проходит три стадии: становления, развития и завершения. Не исключение и культура модерна, она завершает свое существование. Ее «базисные культурные сценарии» и картины мира (им в социальном плане соответствуют когерентные представления) пере-

² В борьбе за умы современников, конечно, участвуют и правые. Вот только что вышел манифест Богомолова «Этический рейх», по поводу которого критик Антон Долин заметил: «Тем более что программа этого манифеста “новых правых” совсем не нова. В США ее разделяют трамписты (половина страны), в России, так или иначе, – большинство, в Европе – очень, очень многие» [12]. «Богомолов, – пишет Вл. Пастухов, – повторяет то, что сказал лет 10–12 назад Андрей Кончаловский... что Россия и Европа едут одновременно к пропасти, но Европа едет к этой пропасти на “Бентли”, а Россия едет к этой же пропасти на телеге, тормозя лаптей... у Богомолова есть некая абстрактная опция, мол, отцепить нам этот вагон и перестроить Европу... В реальности то, что предлагает Богомолов, он предлагает лечить Европу лаптей, то есть лечить болезнь не завтрашнего дня – а Европа больна болезнью, и это болезнь завтрашнего дня, это болезнь надвигающегося будущего, о чем я скажу, – он предлагает по-солженицынски лечить вчерашним здоровьем» [13].

стали отвечать реальной жизни культуры, определять ее. В результате реализации проекта модерна, появления новых проблем и ситуаций и разрешения их реальная жизнь существенно изменилась [20].

Вторая причина – реализация проекта модерна – шла не совсем так (а часто и совсем не так), как это замыслили ее творцы. Двойные стандарты, неравенство, противоречия, отсутствие необходимых условий (или невозможность их создать) – всё это приводило к тому, что реальная жизнь во многих случаях существенно расходилась с тем идеалом, который закладывался в проекте модерна.

В-третьих, человек оказался не только инициативным и разумным, но и «себе на уме», хитрым и изобретательным. Он создал различные технологии, позволяющие использовать социальные структуры и даже целые институты не по назначению. Два наиболее известных примера: схемы, позволяющие обходить налоги или жить на виртуальные деньги, и схемы и «паразитные практики» в системе социального управления («рентостроительство» или даже «захват» пассионарными сообществами целого государства)³.

О завершении модерна свидетельствует перерождение его базисных представлений и практик: природа и естествознание больше не рассматриваются как потенциальные источники благосостояния и могущества, но часто как причины кризисов и катастроф⁴; личность понимается не только как разумная и инициативная, но во многих ситуациях как деструктивная и аморальная; государство, как показывает М. Кревельд, уступает свои функции другим социальным структурам и сообществам⁵; общество

³ «Пока еще, – пишет Питер Друкер, – мало кто пользуется одновременно 25–30 карточками; но число таких потребителей быстро увеличивается. С помощью кредитных карточек их владельцы могут получить кредит и поддерживать его на уровне, порой значительно превышающем их подлинную кредитоспособность. Их совершенно не волнует высокая процентная ставка, поскольку они вовсе не собираются возвращать полученную ссуду. Они манипулируют карточками, перемещая деньги с одного счета на другой, благодаря чему выплачивают лишь очень небольшие, подчас символические проценты... это действительно *новый вид денег*... Сегодня нет страны, которая имела бы иммунитет от внезапных скачков валютного курса по той простой причине, что мир затоплен “виртуальными деньгами”, которые не обеспечивают приемлемого сочетания прибыльности и ликвидности» [3, с. 47, 48, 101].

⁴ «И если, – замечает Вл. Пастухов, – привести всё это к общему знаменателю, то, в общем и целом, возникло у многих людей желание отвязаться от своей связки с природой. То есть, с моей точки зрения, что бы мы ни взяли, человек пытается разорвать пуповину, связывающую его с природой, забыть о том, что он является животным, что он зависит от сил природы, получить полную свободу» [13].

⁵ «Государство, бывшее с середины XVII в. самым значимым и характерным институтом в современном мире, переживает упадок. Повсеместно – от Западной Европы до Африки – многие существующие государства вольно или невольно либо объединяются в более крупные союзы, либо распадаются. Независимо от того, распадаются они или объединяются, уже сейчас многие их функции перехватываются различными организациями, которые, какой бы ни была их природа, определенно не являются государствами» [9, с. 3].

слабее и распадается на отдельные непримиримые аудитории; право из арбитра и меры справедливости превращается в инструмент власти; экономика и рынок становятся неподконтрольными обществу и государству⁶, население развитых стран разуверилось в возможности «экспроприации экспроприаторов» революционным, военным путем, что наглядно продемонстрировали Россия и Камбоджа.

Некоторые черты посткультуры можно понять, анализируя современные тренды социальности. Перечислю главные из них.

1. Бурное развитие технологий (и обычных, технически ориентированных, и социальных). При этом ведущими выступают «технологии в широком понимании», представляющие собой комплексирование (схождение и соорганизывание) разных видов деятельности и практик (исследований, инженерных разработок, проектирования, процессов организации и управления, принятия политических решений и др.). Они, что принципиально, обусловлены социокультурными факторами. Исторически один из первых примеров такой технологии – атомные проекты и американский проект полета на Луну; сегодня это Интернет, мобильная связь, цифровизация и т. д. Технологии в широком понимании, как правило, представляют собой «большие техносоциальные проекты» [21, с. 121–124].

2. Формирование новых видов социальности и производств: «сетевых сообществ» на основе Интернета и мобильной связи, «метакультур» типа Общего рынка, США и тяготеющих к нему союзников и партнеров, Китая, тоже с сателлитами (метакультуры отчасти подчиняют себе отдельные национальные культуры, навязывают им общие схемы в политике и экономике), формирование производств, основанных на международной кооперации и разделении труда, автоматизации и роботизации.

3. Конвергенция капиталистических и социалистических форм хозяйствования (образование гибридных форм): с одной стороны, капиталистические конкуренция, рынок, частная собственность, с другой – социалистическое централизованное управление и распределение. Именно этот

⁶ Экономика в норме содержит два слоя: хозяйственную и предпринимательскую деятельность и экономические технологии. В модерне между этими слоями существовало относительное равновесие, т. е., конечно, в периоды кризиса и войны можно было, например, включить печатный станок, но опыт и негативные последствия показывали, что это верный путь к экономическому разорению и возникновению новых, еще более неразрешимых проблем.

В современной экономике соотношение между указанными двумя слоями иное. Колоссальное развитие и перевес получил второй слой, в результате сложился целый ряд новых, можно сказать, вторичных экономических технологий: например, экономическая политика государства и промышленно-финансовых групп, создание финансовых рынков, установление монополий и другие. Сегодня во многих странах «невидимой рукой рынка» и вполне наблюдаемой рукой государства водят не общество и право, а новые экономические субъекты в лице промышленно-финансовых групп, экономических спекулянтов разных мастей, сообществ и личностей, захвативших в государстве власть [18, 26].

тип хозяйствования, преимущественно с его достоинствами (на недостатки закрывают глаза), имеют в виду левые.

4. Формулирование и отстаивание новых культурных сценариев и этических принципов, например, «зеленых» («Европейский зеленый курс»), спасения планеты, преодоления социальной несправедливости, жизни ради здоровья, семьи, благополучия, безопасности, обеспечения прав и достойного уровня жизни для всех (не только успешных и работающих, но и бедных, безработных, беженцев, третируемых меньшинств и др.).

Пока еще эти тренды не привели к становлению новой культуры, но уже обозначили некоторые ее возможные черты. Поскольку проект модерна фактически себя исчерпал (природа и сложившиеся социальные институты больше не обеспечивают благосостояние и безопасность человека) и проступают черты посткультуры, постольку сложилась возможность воспользоваться этим «мерцающим» образом, что и взяли на вооружение левые. Они формулируют две-три основополагающие идеи: социальной справедливости абсолютно для всех, спасения планеты в варианте зеленых, необходимости социалистического распределения и управления. Предполагается, что именно левые могут провести эти идеи в жизнь, и поэтому им нужно передать всю власть.

На мой взгляд, материал статьи и книги Ирины Жежко-Браун в значительной степени может служить подтверждением высказанным положениям. При этом Ирину очень интересует вопрос о средствах реализации идей левых. Конкретно она рассматривает социальные технологии, которые разработал и внедрил в практику социальных преобразований американский реформатор и радикал Сол Алинский. Этими технологиями воспользовались организация ACORN (ассоциация общества организаторов для новых реформ) и ряд других организаций, приведшие, в конце концов, к власти своего президента Барака Обаму и склонившие на свою сторону Демократическую партию. Анализ Ирины, как я уже отмечал, относится к дискурсу социальных наук (социологии и социальной философии). В рамках этого дискурса я анализировал два процесса, которые во многом определяют характер социальности как прошлых веков, так и современности. Приведу характеристику обоих процессов.

В *направляемых социальных изменениях* (первый процесс) можно различить две основные составляющие. Это, во-первых, *социальный посыл* («социальный месседж», «социальное послание», «социальный проект»), который формируется в ответ на проблемы, стоящие в культуре. Как правило, ядро социального посыла составляют схемы, что и понятно, поскольку схемы разрешают проблемные ситуации, задают новую реальность, позволяют иначе действовать [23]. Схемы могут вменяться обществу, сообществам, отдельным индивидам, массам. В книге «Природа социальности» были рассмотрены социаль-

ные послы и образующие их схемы, в первом случае позволившие запустить процессы окончательного решения еврейского вопроса в нацистской Германии, во втором – начать кампанию завоеваний Александра Македонского [22, с. 13–28, 47–70]. Как я отмечал, социальный посыл и схемы адресуются заинтересованным субъектам или субъектам, подлежащим управлению. Но чтобы их увидеть, необходима специальная реконструкция. Например, манифесты афинского оратора Исократы, вдохновившие Македонского на поход против персов, могут быть истолкованы по-разному: просто как литературно-политические манифесты, как социальные послы, адресованные греческим полисам, а также конкретно царям Филиппу и Александру, и как схемы, отвечающие на тогдашние вызовы времени, задающие новую реальность, провоцирующие греков на завоевания Персии. В данном случае эти интерпретации не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

Во-вторых, направляемые социальные изменения можно понимать как *деятельность*, направленную на реализацию принятых социальных посылов. В свою очередь, как я старался показать, эта деятельность представляла собой, с одной стороны, построение социальной технологии, если речь идет о современности (а для предыдущих культур просто нахождение средств и способов реализации социального посыла); с другой стороны, построение социальных институтов, позволяющих эту технологию (или способы) воспроизводить.

Если же говорить об условиях, которые дают возможность осуществить направляемые социальные изменения, то можно указать следующие: 1) семиотические и технические условия (например, изобретение новых схем и способов их реализации), 2) антропологические (люди, социальные субъекты – общество, сообщества, индивиды, личности), 3) хозяйственно-экономические, 4) организационно-управленческие.

Можно указать на важную особенность разворачивания деятельности по реализации социальных посылов. З. Бауман в своей книге «Актуальность холокоста» показывает, что решение исходных задач реформирования потребовало постановки и решения новых задач, а те, в свою очередь, еще одних, и так далее, до тех пор, пока не была построена эффективная машина войны и уничтожения неполноценных народов. Примерно ту же схему подразумевает Б. Латур, говоря о «посредниках». Получается, что реализация социальных посылов, как правило, приводит к разворачиванию деятельности и созданию промежуточных звеньев (посредников).

Этот механизм порождения вполне объясним в рамках философии техники. Построение новой деятельности – это в значительной мере техническое (технологическое) изобретение: нужно найти естественные процессы (в данном случае это процессы деятельности), работающие на решение новых задач (реализацию социальных посылов), и так организовать деятель-

ность, чтобы запустить эти процессы и направлять их⁷. При этом выясняется, что решение данных задач требует еще одних изобретений в силу своеобразного *сдвига на условия и средства* (т. е. чтобы построить новую деятельность, нужны определенные средства и условия). Начинается процесс изобретения с построения новых схем, которые должны быть технически воплощены.

На первый взгляд деятельность по реализации социальных посылов здесь вполне обычная. Есть цели, средства, процедуры, субъекты и прочее. Но это не так. Дело в том, что в условиях социального развития, хотя инициаторы социальных трансформаций (назовем их «социальными пионерами») действуют привычными способами, они не могут быть уверены, что получится именно то, что получалось ранее, поскольку в ситуациях развития действовать приходится в новых условиях, экспериментировать, создавать новые схемы. Подобная деятельность в значительной степени творческая, *протекает и разворачивается в условиях неопределенности*.

Но в этом случае, если говорить об антропологических условиях, недостаточно реализовать сложившиеся стереотипы поведения людей и отношения между ними. В условиях развивающихся социальных изменений главная задача в антропологическом плане – приведение субъектов деятельности (в рамках общества и сообществ, в плане поведения индивидов и личности) в такое состояние, которое как раз и позволяет действовать в условиях неопределенности. Например, Александр Македонский должен был склонить греческое общество и отдельные полисы поддержать его походы, внушить своей армии уверенность в победе, обещать соратникам богатую добычу, а в случае гибели – не только посмертную славу, но и материальную поддержку их семей. Соответственно, Гитлер и нацисты потратили немало сил, чтобы нейтрализовать сопротивление немецкого общества насилию и, напротив, склонить его полностью поддерживать нацистов.

Необходимое условие направляемых социальных изменений, если их рассматривать по отношению к совместной деятельности людей, – процессы организации и управления. В свою очередь, наделение властью субъектов, которые управляют и руководят, позволяет обосновать и легитимизировать претензии этих субъектов на управление и руководство. Эти два социальных феномена – *управление* (включая руководство и организацию) и *власть*, и образуют второй процесс, характеризующий сущность социальности [22].

И. Жежко-Браун показывает, что первый посыл Сола Алинского был адресован местным общинам и предполагал мирные, демократические способы борьбы. «Отказавшись, – пишет она, – от марксистского видения пролетариата как движущей силы революции, Алинский сделал став-

⁷ Если в обычной инженерии деятельностью организуются природные процессы (движения тел, тепловые явления, электромагнитные и пр.), то в социальной инженерии в их роли выступают одни процессы деятельности, которые организуются другими процессами деятельности.

ку на другие социальные группы, которые в тот или иной момент чувствуют себя наиболее бесправными и лишенными возможности изменить ситуацию. Разорвав причинную связь между пролетариатом и революцией, Алинский, по сути, первым **создал технологию формирования революционной силы из любой, даже предельно атомизированной и территориально рассеянной социальной группы** или групп, при условии, что они видят себя как *Have-Nots*... Накануне первого собрания Совета ВУНС Алинский написал декларацию (конституцию) этой организации: “Эта организация основана с целью улучшения благосостояния людей района (коммьюнити) независимо от их расы, цвета кожи и происхождения, путем создания демократического способа жизни” [6, с. 196, 197, 200].

Второй посыл смещал демократические цели на цели борьбы с несправедливым распределением, чем и воспользовались ACORN и более широко левые: «Цели и принципы деятельности Алинского в начале 1960-х уже сильно отличались от тех, что были у него во времена ВУНС. Акцент в его экспериментах сместился **в сторону получения общинами определенных привилегий** (никто не использовал это слово, предпочитали говорить *fair share* – справедливая доля, *help* – помощь) **путем перераспределения в пользу членов общин средств города, штата и государства, складывающихся из налогов** <...> Левые движения увидели в технологиях Алинского бесценный инструмент расширения их социальной базы. Движение бедных за права на государственные пособия было плавно встроено ими в более общую идеологию протестного движения за гражданские права и системную перестройку общества <...> Движение американских левых, “шестидесятников”, напротив, замахивалось на переустройство Америки в целом как капиталистического общества и “империалистической” державы... Один из аргументов в пользу модели ACORN, по мнению ее создателей, состоит в том, что их организация построена не для какой-либо одной локальной цели, как, например, улучшение школ или обеспечение безопасности на улицах, а для того, чтобы **изменить баланс власти в стране и выдвинуть свою платформу по широкому кругу вопросов**» [6, с. 205, 213–215].

Итак, посыл (завоевание власти, изменение системы, справедливое перераспределение национального продукта), как мы видим, стал предельно широким и пригодным для всех недовольных властью и социальным порядком. Позднее к нему добавились и цели, которые преследовали зеленые и такие американские меньшинства, как феминистки, сексуальные группы и др.

Теперь рассмотрим социальную технологию, которую разработал и внедрил в практику Сол Алинский. Первоначально она предназначалась для реализации первого посыла. Эта технология тоже претерпела две-три трансформации, но три ее главных звена – *создание организации для социальных трансформации*

ций, сознательная рефлексия и описание процедур организации, наконец, обучение организовыванию – всегда сохранялись. Если сначала речь шла о создании местных демократических организаций, то впоследствии, особенно когда цели трансформации перехватила ACORN, организации, созданные левыми, обособились, бюрократизировались и превратились в самостоятельные институты и институты, нацеленные на захват власти и даже обогащение их членов и руководителей. «В книге “*Reveille for Radical*” (“Побудка для радикалов”) Алинский посвятил целую главу своему идеальному герою, “радикалу”, возмутителю общественного спокойствия, как сказали бы сейчас, агенту социального изменения, его ценностям и примерам деятельности <...> Пошаговое развитие организации, ориентированное на выстраивание демократии снизу вверх, в конце концов было заменено **на идеологию мобилизации населения района с целью выигрывания разовых сражений против враждебного окружения**. Соответственно, в схеме формирования новых организаций акцент сместился в пользу агрессивной тактики, методов атакующей войны, где все средства хороши, если они ведут к победе. Среди этих методов, сплава уроков мафиози Ф. Нитти и профсоюзного лидера Дж. Льюиса, были уличные протесты, пикеты против неудобных лиц по месту их жительства, срыв заседаний местных выборных органов, вываливание мусора перед жилищем официальных лиц, бойкот и шантаж бизнесов, публичное высмеивание и унижение неудобных лидеров, публичные театральные хэппенинги и буффонады и другие нарушения неписаных правил общественного поведения <...>

Начавшиеся во многих местах эксперименты нуждались в социальных организаторах и сформировали спрос на эту профессию. В ответ на этот запрос возникло несколько тренировочных центров социальных организаторов. Один из них, под эгидой своего фонда, возглавил сам Алинский, другие открывались его учениками. Так возникла профессия социального организатора. Курсы по этой дисциплине начали преподавать в нескольких университетах. В результате монополия Алинского на созданные им социальные технологии и авторский контроль за их применением закончились и началась их новая независимая жизнь <...>

Возникает закономерный вопрос: **что же современные технологии соорганизации имеют общего с технологиями Алинского?** До проведения более детального анализа можно указать на, как минимум, четыре общих элемента. Первый – в каждом случае основание пирамиды движения выстраивается из местных организаций; второй – организации всех уровней пирамиды занимаются одновременно электоральной и местной политикой; третий – во всех случаях первым шагом соорганизации является создание и передача (внушение) ее будущим членам такой картины мира (социальной ситуации), в которой организуемый контингент видит себя обездоленным, лишенным прав и власти и не способным решать свои проблемы самосто-

ательно без а) коллектива, б) организатора и в) помощи извне. Четвертый (и, наверное, самый главный) элемент, оставшийся неизменным со времен Алинского, – использование правил и заповедей радикального социального действия, “правил для радикала”» [6, с. 203, 207, 210, 228, 229].

Мы видим, что хотя социальные средства и процедуры первоначально создаются для достижения определенных социальных целей (например, развития местного самоуправления и демократии), впоследствии, *описанные уже как социальные технологии*, они освобождаются от этих целей и начинают употребляться для решения самых разных социальных задач, в том числе противоположных исходным целям. «Случай Алинского, – замечает в конце своей статьи Жежко-Браун, – демонстрирует общее свойство социальных технологий, которое можно назвать **целевой и ценностной индифферентностью: социальные технологии, независимо от того, кем, когда и для каких целей они созданы, по определению не привязаны к цели и ценностям, переходят из рук в руки, пересекают границы и используются каждый раз в целях лидеров социальных движений, которые ими овладели**» [6, с. 228].

Получается, что социальные технологии вроде бы не зависят от целей, ради реализации которых они были созданы? Можно, скажем, использовать технологии Алинского для инициирования демократических процессов, а можно, как это делали в ACORN, для захвата власти и собственного обогащения. Или другой вопрос: задают ли новые технологии направление социального развития? Например, склоняет ли Интернет, компьютеризация и цифровизация к контролю за населением и каждым отдельным человеком (сначала потребителем, а затем просто подданным государства, которое всегда, на что обращает внимание Кревельд, стремится ограничить свободу своих граждан, контролировать их [9, с. 164])? Как *возможность* – задают, но в качестве *целестроения* – вероятно, нет.

Цели направляемых социальных изменений обусловлены самыми разными обстоятельствами и факторами: постоянно возникающими проблемами, кризисами и поисками средств их разрешения, социальными трендами, когерентными и другими схемами, определяющими видение мира (эти схемы могут давно не отвечать сложившейся социальной реальности, а индивид всё равно продолжает им следовать). К сожалению, разумные соображения занимают среди этих факторов не очень большое место.

Надо сказать, что идущие от Алинского социальные технологии прямо или косвенно учитывают все перечисленные факторы, особенно те, которые ведут к нужной для левых трансформации сознания и захвату социальных институций и институтов⁸. «В эволюции движения social organizing, –

⁸ Читатель, вероятно, заметил, что я различаю институции и институты. В идеале институты функционируют независимо от проходящего и участвующего в них человеческого

пишет Ирина, – в период жизни после Алинского можно выделить три основные фазы, типичные для любого политического движения:

порождение идеологием и повесток дня (*agenda*): формирование фабрик мысли (*think tanks*), философских школ и кружков, их организаций и штаб-квартир;

формирование общественного мнения, или завоевывание большинства с помощью современных политических технологий и каналов прокачки идеологием, форумов или “площадок мнений”: медиа, университеты, школы, церкви, интернет сети, и т. д.; путем создания армии организаторов (“*progressives*” и “*radicals*”) и организованного контингента (“*foot soldiers*”);

внедрение идеологии в политику и социальную практику: захват государственных учреждений и постов, проведение с их помощью законов, правил и регулятивов, контролирующих социальные программы, индустрию воспитания детей и развлечений, институты образования, религии, науки, юстиции, и т. д.; внедрение носителей своей идеологии («расстановка своих людей») в государственные органы власти, политические партии, национальные общественные организации, движения и т. д.» [6, с. 219].

С внешней стороны два основных обстоятельства определили успех левых в Америке – поддержка левого движения бизнесом и проведение их сторонников в парламент на выборах⁹. Парадокс в том, что бизнес и не-

материала, здесь главное – установленные функции и процедуры. В институциях, однако, большую роль играют сообщества и индивиды, которые по регламенту должны обеспечивать управление, но реально не столько управляют, сколько используют свои места и функции для решения частных проблем и задач. «Есть, – разъясняет А. Мовчан в передаче “Как устроена высшая вертикаль власти в России”, – условно 25 семей, которые контролируют Россию как корпорацию. Они, естественно, обросли агентами, клиентами, друзьями; это небольшое ограниченное количество семей. В центре этого круга семей стоит президент, который является арбитром этой системы. Эти семьи имеют привилегию получать доходы из государственного бюджета, так или иначе. Совокупный их годовой доход составляет никто не знает какую сумму, но по моим расчетам и прикидкам, где-то от 10 до 15 миллиардов долларов. Они находятся как бы над и вне, у них свои внутренние законы, внешние законы на них не распространяются... Под этой группой существует некоторая прослойка... Это высшие чиновники, это правительство, это министры, высшие силовики, которые не входят в круг семьи, это люди, которые должны обеспечивать функционирование всей этой корпорации... Они получают очень много, в ответ на это они должны быть очень лояльными и хорошо работать... Дальше существует огромный слой из бюрократов и силовиков, которые эту систему обслуживают на местах. Их из бюджета не кормят, потому что бюджета не хватит. Но они за то, что обслуживают систему, имеют право кормиться самостоятельно...» [11] (см. также [2, 7, 8]).

⁹ «За примерами таких организаций, – отмечает Жежко-Браун, – не надо далеко ходить: “Жизнь черных имеет ценность” (Black Lives Matter – BLM), созданная в 2013 г. на базе милитаристского крыла черного движения, является именно таким кентавром – организация-движение. Она стала видимым лидером протестов. У нее есть своя программа, стратегия и тактика, присутствие в социальных медиа. Ее подразделения участвовали в подготовке выборов президента в 2016 и в 2020 гг. BLM имеет свой штат, приличный бюджет для визуальной пропаганды, поддержки местных активистов, сайтов и работы со СМИ, а также для организации различных протестных акций... Сегодняшняя американская революция, как и любая другая, имеет декларируемые и фактические цели, которые не во всем совпадают. На плакатах ее ак-

малая часть американского истеблишмента поддерживают левых, которые обещают лишить и тех и других власти. Как такое понять? Жежко-Браун приводит несколько причин: «Каждая компания выражает взгляды ее руководства и (или) большинства ее служащих, а поскольку они получили образование в американских колледжах, то в той или иной мере оказались заражены либеральной идеологией ... Компании представляют взгляды своих пользователей-потребителей, которые в своем большинстве имеют то же воспитание и образование, что и персонал компаний ... Компании пытаются избавиться от имиджа “1 %”, проклятого движением “Оккупай”, а также заигрывают с либеральной элитой. ... “Разбуженный капитализм” делает вид, что продает не материальные (экономические), а символические ценности. Например, корпорации поддерживают идею “Нового зеленого договора” (Green New Deal), даже если он на деле означает социалистическую революцию. <...> Под соусом “разбуженности” корпорации предлагают своим служащим и клиентам вместо более дорогих экономических уступок, таких как повышение заработной платы и лучшие социальные бенефиты, плацебо» [4, с. 168, 169].

Думаю, работают все пять причин, но к ним можно добавить еще две, на мой взгляд, очень важные. Первая: не удалось реализовать заявленную Соллом Алинским исходную цель – развитие в Америке демократии. «Эксперименты, начатые во имя развития местной демократии, еще более подорвали самые основы демократии на местном уровне. Отстранение (выпадение) рядовых американцев от политической жизни в конце XX века стало еще более массовым, чем в 1930-х–1960-х. В заметной степени снизилась роль в демократическом процессе организаций, таких как профсоюзы, политические партии, добровольные организации и ассоциации помощи бедным, а именно, в деле прямого представительства интересов их членов. Одновременно резко повысилась роль этих же организаций в манипулировании своими коллективными средствами и мнением своих членов. ... Предложенная Алинским модель вовлечения граждан в решение своей судьбы через организации и формула демократии как “организации организаций” оказались не способными решить эту задачу. Одна из причин непригодности его модели, как показал опыт ACORN, состоит в том, что члены общественной ор-

ганизации обозначена цель социальной справедливости (No justice, no peace!) для черного населения, однако в программе организации-движения BLM, которая стала основным символом текущей революции, сформулирована и другая, далеко идущая цель – провести своих сторонников во все ветви власти, а также в университеты и СМИ, задать стране свою повестку дня. Черному движению удалось приблизиться к реализации этой цели за время летних протестов 2020 г. намного быстрее, чем за предыдущие 60 лет. BLM недавно в очередной раз изменила свою организационную форму и превратилась одновременно и в партию, и в корпорацию. Корпорация положила на свой счет летом 2020 г. свыше 1,5 млрд долларов. Из этой суммы она сама не заработала ни цента, всё это пожертвования большого бизнеса и миллиардеров» [4, с. 164–166].

организации быстро теряют контроль над собственной организацией и превращаются в пешек. Организации, созданные Алинским и его последователями, оказались захваченными и контролируруемыми той же самой “номенклатурой”, что и социальные институты» [6, с. 227].

Вторая причина, пожалуй, не менее важная: обращаясь за помощью к бизнесу и истеблишменту, принимая эту помощь, радикалы и левые не только теряют свою свободу, но и приобщаются к образу жизни и отчасти ценностям правящего класса¹⁰. Оказалось, что помощь со стороны бизнеса и истеблишмента лучше, чем что-нибудь другое, «перевоспитывает» левых в направлении их превращения в новый правящий и хорошо обеспеченный класс.

А вот успехи тихой и незаметной для многих «пошаговой американской революции» можно объяснить не только эффективной социальной технологией и попустительством правящего класса¹¹. Значительно больше оказывает влияние то, что направляемые социальные изменения идут на фоне параллельных процессов завершения модерна и становления посткультуры. Идеи социальной справедливости, спасения планеты в программах зеленых, социалистического централизованного управления и распределения, поддержания и прав меньшинств¹² – это идеи и сценарии становящейся посткультуры. Их реализация стала возможна при ус-

¹⁰ Вот всего один пример. «Процесс замещения старой интеллектуальной и властной элиты новой, выращенной на базе ППД (“политика позитивных действий”. – В. Р.) и финансируемой “разбуженным” бизнесом, идет полным ходом. Для проведения в жизнь политики “разнообразия и включения” (diversity and inclusion), “равенства” и “социальной справедливости” в университетах создана армия высокооплачиваемых бюрократов. Так, в 2012 г. первый вице-президент в Университете Сан-Диего, ответственный за “равенство, разнообразие и включение”, имел годовой оклад 250 тыс. долларов. Число этих подразделений и их численность в университетах растет, их служащие получают солидные оклады, а число профессоров с тенью (пожизненный контракт) ежегодно сокращается. Рабочие места в этих подразделениях в университетах и бизнесах занимают выпускники, которые не только принадлежат к меньшинствам, но и избрали своей профессией гендерные, расовые, афроамериканские и другие исследования, лежащие в русле идеологии социальной идентичности» [4, с. 174, 175].

¹¹ Г. Явлинский, критикуя Навального, в качестве аргумента пытается преуменьшить эти успехи, что вряд ли правильно. «Активистский протест, – пишет он, – нигде не достигает целей. “Желтые жилеты” во Франции, “арабская весна” на Ближнем Востоке, “Оккупай Уолл-стрит” в США, протесты в Гонконге... Накопился многолетний опыт, четко показывающий, что надежды на горизонтальную сетевую самоорганизацию после разрушения “старых” институтов не оправдываются. На Западе все чаще об этом задумываются. Штурм Капитолия очень напугал американскую элиту и стал мощным стимулом к осмыслению и действиям. Не думать об этом в России, полагать, что популистский протест сам собой родит новое качество, – значит относиться к нашей стране и к нашим людям как к чему-то второсортному. И об этом надо говорить сейчас, когда люди слышат, а не через два года и восемь месяцев» [25].

¹² Выступая на радио «Эхо Москвы», В. Пастухов говорил: «Возьмем тему, которую затронул Богомолов. Ну да, появляется возможность изменять свою сексуальность. Такого всё-таки не было. Появляется огромный комплекс связанных с этим проблем. И, соответственно, появляется радикализм, потому что появляются те, кто за, и те, кто против. Появляются меньшинства. Эти меньшинства, с моей точки зрения, как все появляющиеся новые течения, они одержимы, они радикальны, они похожи на тоталитарные секты в своем поведении, они атакуют общество. Зачастую они заставляют общество двигаться в каком-то направлении больше, чем

ловии ослабления государства и общества, перерождения личности, кризиса рыночных отношений и предельных онтологий (прежде всего природы и личности), изобретения технологий, позволяющих использовать социальные структуры не по назначению, для собственного обогащения и власти, лавинообразного умножения проблем и катастроф, т. е. того, что образует кризис и завершение модерна, а также становление посткультуры.

Конечно, осмысляя причины успеха современной американской революции, нельзя скидывать со счетов и такие социальные факторы, как относительно мирный характер этой революции, а также более высокую пассионарность (и куда меньшую замороченность нравственными соображениями) меньшинств (бедных, негров, латиноамериканцев, анархистов, сексуальных меньшинств, феминистских групп и др.), составляющих ударную силу армии левых. Однако эти факторы, на мой взгляд, не идут ни в какое сравнение с действием и давлением процессов, обусловленных кризисом модерна и становлением фьючекультуры.

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – 289 с.
2. Выходцы из КГБ построили в России корпоративное государство нового типа // Новый день. – 2007. – 25 августа. – URL: <https://newdaynews.ru/policy/136525.html> (дата обращения: 23.08.2021).
3. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. – М. [и др.]: Вильямс, 2002. – 272 с.
4. Желско-Браун И. Новый высший класс: революционная смена элит в США // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 162–190. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-162-190.
5. Желско-Браун И.В. Современная американская революция: социальные технологии и динамика. – М.: Новый хронограф, 2018. – 320 с.
6. Желско-Браун И.В. Модель организации Сола Алинского // Философия управления: методологические проблемы и проекты. – М.: ИФРАН, 2013. – С. 195–235.
7. Иноземцев В. Неэффективное. Безжалостное. Твое. Почему все мы живем в коммерческом государстве Путина // Сноб. – 2019. – 4 июля.
8. Иноземцев В. Персонально ваш // Эхо Москвы. – 2020. – 15 мая.
9. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
10. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: ИД Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.

общество к этому готово. По результатам мы получаем трамплизм как болезненную реакцию уже задержанного – не хочу других слов говорить – большинства» [13].

11. Мовчан А. Как устроена высшая вертикаль власти в России // YouTube. Открытая Россия. – 2019. – 10 марта. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YXU8sp5Waf0> (дата обращения: 23.08.2021).
12. «Новый этический рейх»: как деятели культуры России отреагировали на манифест Богомолова // Москва24. – 2021. – 11 февраля. – URL: https://www.m24.ru/articles/kultura/11022021/157703?utm_source=CoryBuf (дата обращения: 23.08.2021).
13. Пастухов В. Особое мнение // Эхо Москвы. – 2021. – 12 февраля.
14. Розин В.М. Социальность современности и феномен «левых» // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 145–161. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161.
15. Розин В.М. От традиционного понятия культуры к концепции пост(мета) культуры // Вопросы культурологии. – 2019. – № 3. – С. 25–37.
16. Розин В.М. Посткультура как основание для различения понятий культуры // Культура культуры. – 2020. – № 2. – URL: <https://www.facebook.com/cultkult/posts/2856112284473729/> (дата обращения: 23.08.2021).
17. Розин В.М. Культурология. – 3-е изд. – М.: Юрайт, 2018. – 410 с.
18. Розин В.М. Становление экономики в Европе XVIII столетия как осознанной научной реальности и дисциплины // Философия науки и техники. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 81–95.
19. Розин В.М. Становление, развитие и завершение новоевропейской социальности (продумывая книгу В. Федотовой, В. Колпакова, Н. Федотовой «Глобальный капитализм: три великие трансформации») // Культура и искусство. – 2020. – № 4. – С. 29–43.
20. Розин В.М. Теория культуры. – М.: Nota Bene, 2005. – 416 с.
21. Розин В.М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. – Йошкар-Ола: Поволж. гос. технол. ун-т, 2016. – 280 с.
22. Розин В.М. Природа социальности: проблемы методологии и онтологии социальных наук. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 288 с.
23. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: Ленанд, 2014. – 256 с.
24. Федотова В.Г., Колтаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
25. Явлинский Г. Без путинизма и популизма // Эхо Москвы. – 2021. – 11 февраля.
26. Rozin V. The Pandemic, the Crisis of Modernity, and the Need for a New Semantic Project of Civilization // Philosophy and Cosmology. – 2020. – Vol. 25. – P. 32–42.

Статья поступила в редакцию 19.02.2021.

Статья прошла рецензирование 28.02.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-133-152

AMERICAN REVOLUTION: SOCIOCULTURAL DISCOURSE

Rozin Vadim,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher

Institute of Philosophy RAS,

Bldg 1, 12 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract

The article analyzes two approaches to explaining the American Revolution. The first belongs to Irina Zhezhko-Brown, who in her works examines the features and formation of social technologies created by the left in the United States, their application in the struggle for power, the transformation of the consciousness and behavior of social subjects, the emasculation of the original democratic principles and other social processes. Vadim Rozin, being not only a methodologist, but also a culturologist, outlines another explanation - culturological. At the same time, he puts forward a hypothesis according to which modernity is a complex double process of a parallel crisis of the culture of modernity and the emergence of "postculture", which for the time being is manifested for researchers in the trends of sociality. The author of the article considers it necessary to consider the American Revolution by combining both approaches (from the point of view of social sciences and cultural studies), that is, to implement a sociocultural approach and discourse. For this, he first characterizes the social and cultural approaches separately. If the selection and characterization of culture presupposes procedures for comparing different cultures, analysis of the integrity of culture and an invariant vision of the world, then sociality is set by the processes of directed social change, management and power. Then, relying on the material of the reconstruction of the modern American revolution, which was proposed by I. Zhezhko-Brown, the author outlines a sociocultural explanation. In particular, he claims that the successes of the quiet and invisible for many "step-by-step American revolution" can be explained not only by effective social technology and the connivance of the ruling class, but also by the fact that guided social changes are taking place against the background of parallel processes of the completion of modernity and the formation of post-culture.

Keywords: revolution, sociality, culture, sociocultural approach, development, crisis, modernity, post-culture, state, society.

Bibliographic description for citation:

Rozin V. American Revolution: Sociocultural Discourse. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 133–152. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-133-152.

References

1. Benhabib S. *Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noyu eru* [Claims of culture. Equality and Diversity in a Global Era]. Moscow, Logos Publ., 2003. 350 p. (In Russian).
2. Vykhodtsy iz KGB postroili v Rossii korporativnoe gosudarstvo novogo tipa [Natives of the KGB have built a new type of corporate state in Russia]. *Novyi den'*, 2007, August 25. (In Russian). Available at: <https://newdaynews.ru/policy/136525.html> (accessed 23.08.2021).
3. Drucker P.F. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke* [Management challenges for the 21st century]. Moscow, Vil'yams Publ., 2002. 272 p. (In Russian).
4. Zhezhko-Braun I. Novyi vysshii klass: revolyutsionnaya smena elit v SShA [The New Upper Class: Revolutionary Elite Rotation in the USA]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 1, pp. 162–190. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-162-190.
5. Zhezhko-Braun I.V. *Sovremennaya amerikanskaya revolyutsiya: sotsial'nye tekhnologii i dinamika* [The Ongoing American Revolution: Social Technologies and Dynamics]. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2018. 320 p.
6. Zhezhko-Braun I.V. Model' organizatsii Sola Alinskogo [Saul Alinsky organization model]. *Filosofiya upravleniya: metodologicheskie problemy i proekty* [Management philosophy: methodological issues and projects]. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2013. – P. 195–235.
7. Inozemtsev V. Neeffektivnoe. Bezzhalostnoe. Tvoe. Pochemu vse my zhivem v kommercheskom gosudarstve Putina [Ineffective. Ruthless. Your. Why we all live in Putin's commercial state]. *Snob* [Snob], 2019, July 4.
8. Inozemtsev V. Personal'no vash [Personally yours]. *Ekho Moskvy* [Echo of Moscow], 2020, May 15.
9. Crevel'd M. van. *The Rise and decline of the state*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999 (Russ. ed.: Kreveld M. *Rastsvet i upadok gosudarstva*. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 544 p.).
10. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network theory*. Oxford, Oxford University Press, 2005 (Russ. ed.: Latur B. *Peresboroka sotsial'nogo: vvedenie v aktornostevnyu teoriyu*. Moscow, HSE Publ., 2014. 384 p.).
11. Movchan A. Kak ustroena vysshaya vertikal' vlasti v Rossii [How is the highest vertical of power structured in Russia]. *YouTube. Otkrytaya Rossiya* [YouTube. Open Russia], 2019, March 10. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=YXU8sp5Waf0> (accessed 23.08.2021).
12. “Novyi eticheskii reikh”: kak deyateli kul'tury Rossii otreagirovali na manifest Bogomolova [“New Ethical Reich”: How Russian Cultural Workers Reacted to Bogomolov's Manifesto]. *Moskva24* [Moscow24], 2021, February 11. Available at: https://www.m24.ru/articles/kultura/11022021/157703?utm_source=CopyBuf (accessed 23.08.2021).
13. Pastukhov V. Osoboe mnenie [Dissenting opinion]. *Ekho Moskvy* [Echo of Moscow], 2021, February 12.

14. Rozin V.M. Sotsial'nost' sovremennosti i fenomen "levykh" [Sociality of Modernity and the Phenomenon of the "Left"]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 1, pp. 145–161. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-145-161.
15. Rozin V.M. Ot traditsionnogo ponyatiya kul'tury k kontseptsii post(meta) kul'tury [From the traditional concept of culture to the concept of post (meta)culture]. *Voprosy kul'turologii = Issues of Cultural Studies*, 2019, no. 3, pp. 25–37.
16. Rozin V.M. Postkul'tura kak osnovanie dlya razlicheniya ponyatii kul'tury [Post-culture as the basis for the distinction of the concepts of culture]. *Kul'tura kul'tury = Culture of culture*, 2020, no. 2. Available at: <https://www.facebook.com/cultkult/posts/2856112284473729/> (accessed 23.08.2021).
17. Rozin V.M. *Kul'turologiya* [Culturology]. 3rd ed. Moscow, Yurait Publ., 2018. 410 p.
18. Rozin V.M. Stanovlenie ekonomiki v Evrope XVIII stoletiya kak osoznannoi nauchnoi real'nosti i distsipliny [The Formation of the economy in Europe of the XVIII century as a perceived scientific reality and discipline]. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 81–95.
19. Rozin V.M. Stanovlenie, razvitie i zavershenie noveevropeiskoi sotsial'nosti (produmyvaya knigu V. Fedotovoi, V. Kolpakova, N. Fedotovoi "Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii") [Establishment, development and completion of New-European sociality (analysis of the book by V. Fedotova, V. Kolpakov, N. Fedotova "Global capitalism: three great transformations")]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2020, no. 4, pp. 29–43.
20. Rozin V.M. *Teoriya kul'tury* [The theory of culture]. Moscow, Nota Bene Publ., 2005. 416 p.
21. Rozin V.M. *Tekhnika i tekhnologiya: ot kamennykh orudii do Interneta i robotov* [Engineering and technology: from stone tools to the Internet and robots]. Yoshkar-Ola, Volga state University of technology, 2016. 280 p.
22. Rozin V.M. *Priroda sotsial'nosti: problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh nauk* [The nature of sociality: problems of methodology and ontology of social science]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 288 p.
23. Rozin V.M. *Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii* [Introduction to Schemology: Schemes in Philosophy, Culture, Science, Design]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 256 p.
24. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii* [Global Capitalism: Three Great Transformations]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2008. 608 p.
25. Yavlinskii G. Bez putinizma i populizma [Without Putinism and Populism]. *Ekho Moskvy* [Echo of Moscow], 2021, February 11.
26. Rozin V. The Pandemic, the Crisis of Modernity, and the Need for a New Semantic Project of Civilization. *Philosophy and Cosmology*, 2020, vol. 25, pp. 32–42.

The article was received on 19.02.2021.

The article was reviewed on 28.02.2021.